

18+

Евгений Ефимов

Дневник экзорциста

Это история о семилетней девочке Ульяне, которая слишком рано поняла, что тьма вокруг не просто кажется — она смотрит в ответ

Евгений Ефимов

**Дневник экзорциста. Это история
о семилетней девочке Ульяне,
которая слишком рано поняла,
что тьма вокруг не просто
кажется — она смотрит в ответ**

«Издательские решения»

Ефимов Е.

Дневник экзорциста. Это история о семилетней девочке Ульяне, которая слишком рано поняла, что тьма вокруг не просто кажется — она смотрит в ответ / Е. Ефимов — «Издательские решения»,

Что, если страх — это не слабость, а дверь? Ульяне было семь, когда огонь в приюте обошел её стороной. С тех пор она видит то, что большинство предпочитает не замечать: тени, сгущающиеся по ночам, тишину, которая давит, и существ, питающихся людскими страхами. Воспитанная старым экзорцистом, она быстро взрослеет в мире, где каждое изгнание демона берет свою цену. «Дневник экзорциста» — это рассказ о цене выбора, о девочке с лицом старухи и о коварных демонах.

© Ефимов Е.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Тихое знание	7
Глава 1	8
Чужой взгляд	8
Глава 2	10
Ложная тишина	10
Глава 3	12
Тот, кто не уходит	12
Глава 4	14
Сдвиг границ	14
Глава 5	16
То, что отвечает	16
Глава 6	18
Ночь, которая стала длиннее	18
Глава 7	21
Огонь, который знал дорогу	21
Глава 8	23
Глава 9	26
То, что учатся замечать	26
Глава 10	30
Голос, который не должен звучать	30
Глава 11	33
Имя, которое не любят произносить	33
Глава 12	36
Ночь, которая смотрит в ответ	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Дневник экзорциста
Это история о семилетней девочке
Ульяне, которая слишком рано
поняла, что тьма вокруг не просто
кажется — она смотрит в ответ

Евгений Ефимов

© Евгений Ефимов, 2026

ISBN 978-5-0070-3397-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ночью улицы пустеют.

Но это не значит, что на них никого нет.

Просто ты их не видишь.

Но они видят тебя.

Пролог

Тихое знание

А знали ли вы, что есть вещи, о которых вам никто не расскажет? Не потому, что их скрывают. И не потому, что существует запрет. Просто большинство предпочитает не замечать. Друзья не станут обсуждать это за столом. Близкие назовут это усталостью. Священник скажет, что нужно молиться. Врач — что нужно выспаться. У любого явления найдётся объяснение. Кроме самого ощущения.

Об этом не пишут в новостях. Этого не показывают в вечерних репортажах. Это не выглядит достаточно эффектно, чтобы стать сенсацией. Потому что зло редко бывает эффективным. Оно аккуратное. Терпеливое. Оно не вламывается — оно входит. Без стука. Без объявления. Садится рядом. Ждёт.

Вы можете прожить рядом с ним годы и так и не назвать его по имени. Я прожила.

Когда мне было семь, я верила в порядок. В причинно-следственные связи. В то, что у всего есть объяснение. Если случается беда — значит, была ошибка. Если человек смотрит странно — он просто устал. Если ночью кажется, что в коридоре кто-то стоит — это игра света. Проблема в том, что свет не задерживает дыхание.

Я не сразу поняла разницу. Сначала менялось пространство. Комната становилась теснее, чем должна быть. Воздух густел. Звуки будто уходили глубже в стены. Даже собственное сердце билось не внутри меня, а где-то рядом, как чужой предмет. Потом приходило знание. Не страх. Именно знание. Что в комнате есть ещё кто-то. Без шагов. Без дыхания. Без лица. Просто присутствие.

В ту ночь огонь не был случайностью. Он не метался хаотично. Он двигался так, словно знал план дома. Пожирал дерево, ткань, стены. Кричащие голоса. Дым заполнял комнаты. Жар сгибал металл. И обходил меня. Не из милости. Из расчёта.

Тогда я поняла простую вещь: некоторые вещи не уничтожают. Они оставляют. Меня оставили.

С тех пор я не ищу утешительных версий. Если пространство становится теснее на полшага — я не объясняю это воображением. Если человек смотрит на меня слишком внимательно — я смотрю в ответ.

В этой истории я расскажу о том, о чём принято молчать. О выборе, который нельзя назвать правильным. О ребёнке, который не виноват. И о существе, которое не считает себя злом.

Вы можете не верить. Но если однажды ночью вам покажется, что тишина стала слишком полной — вспомните эти слова. Иногда то, что приходит, приходит не чтобы разрушить. А чтобы завершить. И если оно однажды закончит — огонь покажется самым милосердным исходом.

Глава 1

Чужой взгляд

В приют меня привезли весной. Снег уже темнел у обочин, превращаясь в тяжёлую серую кашу. Машина остановилась перед зданием с облупленной жёлтой краской. Женщина в сером пальто сжала мою ладонь чуть крепче, чем нужно.

— Всё будет хорошо.

Люди часто произносят это, когда не знают, что сказать. Иногда — когда сами не верят.

Я не плакала. Не потому, что была сильной. Просто не успела понять, куда делся предыдущий день. Родители исчезли из мира слишком быстро, чтобы страх успел сформироваться.

Дверь приюта закрылась за мной с тяжёлым металлическим звуком. Внутри пахло супом, пылью и чем-то кислым, что въедается в старые стены.

— Новенькая, — сказала воспитательница, не поднимая глаз от журнала.

— Зовут?

— Ульяна.

— Возраст?

— Семь.

Ручка скрипнула по бумаге. Имя стало строкой. Строка стала фактом.

Дети смотрели иначе. Они быстро определяют, кто здесь временно, а кто — надолго. Во взглядах не было жалости. Только оценка.

Первая девочка, которая подошла ко мне, была веснушчатой и слишком уверенной. Она приблизилась ко мне почти в лоб и спросила:

— Ты хранишь?

— Нет.

— Хорошо. Я ненавижу, когда храпят.

И, не проронив больше ни слова, ушла. Так началась моя новая жизнь.

Дни в приюте были одинаковыми. Подъём. Каша. Уроки. Прогулка по двору, где была клумба с цветами, давно высохшими, с треснувшими качелями. Детская площадка была похожа больше на нечто мрачное и неухоженное, облупленная краска на качелях. А по вечерам — постоянный шум в спальне.

Я быстро поняла: лучше не выделяться. Но всё равно выделялась. Я не была похожа на других. Я смотрела дольше, чем нужно. Когда кто-то врал — я видела паузу перед ответом. Когда кто-то улыбался через силу — улыбка не совпадала с глазами. Когда воспитательница злилась — её пальцы сжимали ручку чуть сильнее, складывалось впечатление, будто она вот-вот треснет.

Один мальчик подошёл и толкнул меня в коридоре.

— Эй, чего ты так смотришь?

Я просто смотрела в ответ и не хотела ему ничего отвечать. Он посмотрел на меня и отступил. Немного отдалившись, он произнёс:

— Ты ненормальная!

Через некоторое время он перестал ко мне подходить. Мне казалось это странным, несмотря на то, что в его глазах читалась агрессия.

Со временем шёпот стал фоном. Всё чаще в приюте слышались перешёптывания детей.

— Она какая-то странная.

— Рядом с ней бросает в дрожь.

— Она ночью не спит.

К сожалению, последнее было правдой. Всё чаще ночью я не могла уснуть. Я лежала и смотрела в потолок и в темноту. А иногда потребности организма брали верх, и я засыпала, но всё так же часто просыпалась без причины.

Комната становилась меньше. Воздух — плотнее. Тишина — аккуратной, очищенной, как будто кто-то убрал из неё всё лишнее. Не скрипели полы. Не было гула в вентиляции. Не щёлкали батареи. Даже дыхание других детей казалось приглушённым. В моменте можно было подумать, что я одна в этой огромной комнате. Ребёнок воспринимает большое пространство совершенно по-другому: всё вокруг кажется таким огромным.

Но я не двигалась. Просто слушала. И чувствовала, что это не просто ночь. Мне казалось, что за темнотой скрывается что-то ещё, но я не могла объяснить, что конкретно. И так проходила каждая моя ночь.

Время от времени в наш детский дом приезжал священник, и мне казалось это немного странным. Я всё чаще начала видеть его — из окна, в коридоре, на детской площадке, а потом поняла, что он здесь частый гость. Все здесь его знали. Персонал улыбался при виде его, дети радовались. Все называли его отец Алексей.

Он приезжал в разные дни: иногда рано утром, а иногда ближе к вечеру. Он не говорил громко, не размахивал руками. Спокойный, высокий мужчина, слегка в возрасте, с длинной русой бородой. Он чинил полки, помогал на кухне, разговаривал с детьми весьма спокойно, будто слышал больше, чем произносилось. От него веяло добротой и спокойствием.

Когда он впервые задержал на мне взгляд, я это заметила и остановилась. Он подошёл ко мне, присел на одно колено, посмотрел мне в глаза и спросил:

— Ты избегаешь толпу?

— Она слишком шумная, — ответила я.

— Но шум помогает не слышать другое, — с задумчивым взглядом сказал он.

Но тогда я ещё не понимала, о чём он говорит. Эти слова отложились в памяти. Вскоре я пойму, о чём говорил отец Алексей.

Несколькими днями позже я сидела в библиотеке и рассматривала журналы. Отец Алексей подошёл ко мне и присел рядом. Он просто сидел и смотрел на журналы и на меня, а затем произнёс:

— Ты замечаешь больше, чем остальные.

— Все замечают, — ответила я.

— Нет. Большинство даже не смотрит.

Я не знала, что он имеет в виду, плохо это или хорошо. Он ответил сам:

— Это тяжело — быть другой. Люди пытаются избегать тебя и делать вид, что не знакомы с тобой.

После этих слов он просто встал и на некоторое время завис надо мной, как туча. А затем он попрощался со мной и ушёл.

В тот вечер тишина вернулась не сразу. Ночь плавно укрывала своим одеялом наш приют. За окном плавно наступала непроглядная темнота. В комнате плавно затихали голоса детей. Одной лишь мне не спалось. И я почувствовала, что в глубине этой комнаты есть что-то ещё — то, что не спит и молча наблюдает.

Глава 2

Ложная тишина

В нашем приюте существовало негласное правило, которое никто не записывал. Но если ночью ты что-то услышал — то не вставай, закрой глаза и старайся не шевелиться. Старшие дети знали его лучше всех. Новеньким объясняли шёпотом, как будто это часть игры.

Мои мысли прервал голос Ани.

— Просто лежи и делай вид, что спишь, — сказала она.

— А если мне не спится? — спросила я.

— Всё равно! Нужно лежать и закрыть глаза.

— Хм.

Я молча отвернулась.

Здание было старым, похожее на смесь старой психиатрической клиники и квартиры без ремонта в глубинке. Полы скрипели от каждого шага — пронизывающий скрип выдавал даже самые тихие шаги. Двери могли слегка приоткрываться. Время от времени в вентиляции был гул ветра, иногда лёгкий, но пронизывающий сквозняк. Трубы иногда гудели так, будто кто-то передаёт сообщение по трубам.

Но по-настоящему тихо становилось под глубоким покровом ночи, и эта тишина отличалась. Она не была отсутствием звука. Она была давлением, иногда вызывающим лёгкую паническую атаку. Я слышала, как бьётся моё сердце.

В ту ночь я резко проснулась. Лунный свет разрезал комнату сплошной полосой. Я слегка подняла голову и посмотрелась: чьи-то ноги свешивались с верхней кровати. Кто-то сопел. И всё же чего-то не хватало.

Я прислушалась. Ни одного фонового шума. Ни щелчка металла. Ни шороха ткани. Я приподнялась и села на кровать.

Аня открыла глаза почти сразу.

— Ложись!!! — прошептала она.

Я молча посмотрела на неё.

— Просто ложись и всё!!! — ещё чуть тише прошептала Аня.

Она накрылась одеялом. А я опустила ноги на пол. Он был на удивление ещё холоднее, чем обычно. Холод будто слегка обжигал мою кожу. Но доски не скрипнули. Это было не правильнее всего.

Я насторожилась и сделала шаг к двери, затем ещё один и вышла.

В коридоре ничего не двигалось. Но ощущение будто кто-то находился с той стороны — и смотрит на меня. Я чувствовала на себе тяжесть, не от усталости, а больше от страха неожиданности, смешанные чувства. Я просто стояла и смотрела в глубину коридора. Ни шагов, ни дыхания.

Просто я чувствовала присутствие. Мне было любопытно и немного не по себе. И в тот момент что-то в коридоре изменилось. Не звук — направление. Как если бы кто-то отступил на шаг назад. Тишина удержалась ещё несколько секунд. Потом трубы ожили. Пол скрипнул. Мир вернулся.

Я просто кинула взгляд на стены в коридоре, на старую винтажную люстру и вернулась в кровать.

Утром Аня избегала меня. За завтраком она подошла ко мне, наклонилась ближе и сказала:

— Ты встала!

Я молча кивнула.

— Не надо так делать. Я ведь говорила тебе, — сказала Аня.

— Но почему? Я не понимаю.

Она просто молчала в ответ, смотрела на меня и молчала. А затем тихо сказала:

— Потому что оно смотрит в ответ.

Эта фраза осталась со мной.

Когда отец Алексей приехал, он заметил у меня уставшие глаза. Он подошёл ко мне и спросил:

— Ты плохо спала? Ты выглядишь уставшей.

— Было очень тихо, — ответила я.

Он замер на долю секунды, затем присел рядом со мной на одно колено и, посмотрев в глаза, спросил:

— Расскажи мне об этом.

Я рассказала спокойно, без прикрас, о том, что было слишком тихо, и о том, что чувствовала пристальный взгляд на себе.

— Ты боялась? — спросил он.

— Нет, мне не было страшно.

— Что ты чувствовала?

— Как будто тяжесть. Мир вокруг перестал жить.

Он поднял взгляд и долго смотрел на здание приюта.

— И ты решила узнать почему?

— Да, мне было любопытно.

В его взгляде появилось не сочувствие. Больше тревога.

— Знаешь, некоторые вещи лучше не провоцировать, — сказал он тихо.

— Но я ничего не делала.

— Ты встала с кровати.

Он не произнёс ни одного запретного слова. Но после этого стал приходить ещё чаще.

И когда тишина вернулась снова, она длилась дольше. Из коридора донёсся один шаг. Медленный. Сухой. По старому дереву. И остановился напротив нашей двери.

Я не встала. Но и не закрыла глаза. И тогда впервые поняла: оно знает, что я не сплю. И теперь оно ждёт.

Глава 3

Тот, кто не уходит

После той ночи приют изменился. Не внешне. Стены остались теми же, краска продолжала отслаиваться, батареи гудели по утрам, а суп на обед пах одинаково изо дня в день.

Изменилось поведение детей. Они стали тише. Не всегда. Днём всё оставалось прежним: кто-то смеялся слишком громко, кто-то дрался за место у окна, воспитательница раздражённо хлопала журналом по столу. Но в разговорах появилось новое — недосказанность. Когда я подходила ближе, темы обрывались.

Аня больше не шутила со мной. Она смотрела настороженно, как будто я сделала что-то неправильное, но не могла сформулировать, что именно.

Однажды вечером я услышала обрывок разговора в умывальной комнате.

— Оно теперь чаще, — прошептал мальчик из старшей группы.

— Потому что она не спит, — ответил другой.

— Дурак, не из-за этого.

— А из-за чего тогда?

Тишина. Я вошла, и разговор мгновенно прекратился. Взгляды скользнули по мне и отвернулись. Я ничего не сказала. Но внутри впервые возникло сомнение. Неужели это действительно связано со мной?

В ту ночь тишина пришла раньше обычного. Ещё до того, как воспитательница выключила свет, я почувствовала лёгкое давление в висках. Как будто воздух в комнате стал плотнее, чем в коридоре.

Когда лампа щёлкнула и погасла, темнота показалась гуще. Я лежала с открытыми глазами. Секунда. Другая. И мир снова выключился. Не постепенно. Немедленно. Как если бы кто-то повернул невидимый рычаг. Пропал шорох одеял. Исчезло дыхание. Даже моё собственное сердце стало тихим, приглушённым.

Я не двигалась. В этот раз я решила подождать. Прошла минута. Или больше. В темноте время теряет форму.

И тогда я услышала. Не шаг. Не скрип. Лёгкое касание. По ту сторону двери кто-то провёл чем-то острым по дереву. Медленно. Снизу-вверх. Звук был почти неуловимым, но в полной тишине он казался громче крика.

Кто-то на соседней кровати тихо всхлипнул и тут же зажал рот рукой.

Я села. На этот раз пол скрипнул. Слабо, но отчётливо. И касание за дверью остановилось.

Я встала. Сердце билось спокойно. Почти равнодушно. Каждый шаг казался отдельным событием. Я подошла к двери и положила ладонь на холодное дерево. С другой стороны, было... тепло. Не горячо. Не холодно. Тепло, как от живого тела.

В этот момент я поняла, что мы разделены не расстоянием, а выбором. Я могла открыть дверь. Могла отступить. Я не сделала ни того, ни другого.

И тогда из-за двери донёсся едва слышный звук. Не голос. Но что-то очень похожее на выдох. Осознанный. Как если бы кто-то убедился в правильности своей догадки.

Внезапно мир вернулся. Батареи зазвенели. Кто-то повернулся во сне. В коридоре скрипнула доска.

Я убрала руку. За дверью было пусто.

Утром двое детей из старшей группы попросились спать в другом помещении. Они сказали, что им душно. Воспитательница отмахнулась.

— Это старое здание. Прекратите выдумывать.

Отец Алексей приехал в тот же день. Он нашёл меня во дворе.

— Ты снова не спала, — сказал он тихо.

— Оно было ближе, — ответила я.

Он посмотрел на окна спальни.

— Ты прикасалась?

— Да.

На секунду его лицо стало жёстким.

— Не делай этого больше.

— Почему?

Он медлил.

— Потому что, если оно почувствует, что ты не боишься... оно захочет узнать, почему.

Я ненадолго задумалась об этом, а затем спросила:

— А если я тоже хочу узнать?

Он впервые посмотрел на меня так, будто видел не ребёнка, а проблему. И, возможно, решение.

В ту ночь я уже не ждала. Я знала, что оно придёт. И знала, что в следующий раз дверь может быть не единственной границей.

Глава 4

Сдвиг границ

После той ночи дети начали болеть. Сначала один. Потом второй. Ничего серьёзного. Температура. Слабость. Головные боли. Воспитательница говорила, что это весенняя сырость и старые окна. Директор жаловался на сквозняки.

Но я знала разницу между простудой и истощением. Они выглядели так, будто не спали. Даже те, кто клялся, что спал.

Аня перестала смотреть мне в глаза. Под ними залегли тёмные тени.

— Оно стояло у моей кровати, — прошептала она однажды вечером.

— Ты видела?

— Нет. Но я знала.

Это «знала» прозвучало так же, как когда-то у меня. Я почувствовала укол в груди. Не страх. Ответственность.

В ту ночь я не стала ложиться сразу. Я сидела на кровати и слушала здание. Обычные звуки. Скрип. Гул труб. Чей-то кашель.

Потом всё оборвалось. Тишина упала резко, как плотная ткань. Но на этот раз она была другой. Она не просто давила. Она двигалась. Медленно, по коридору. Я ощущала это так же ясно, как если бы слышала шаги. Пространство менялось — сначала у дальней стены, потом ближе, ближе...

Кто-то всхлипнул во сне. И движение остановилось.

Я встала. Пол отозвался тихим скрипом, будто напоминая: ты нарушаешь правило. Я подошла к двери. Она была закрыта. Но тьма под ней стала гуще. Не темнее — плотнее. Как будто свет отказывался касаться пола у самого порога.

Я наклонилась. И в этот момент из-под двери медленно скользнула тень. Не пятно. Не игра света. Форма. Узкая. Вытянутая. Чуть дрожащая, будто не привыкшая к плоскости. Она остановилась у моих ног.

Я не отступила. Тень замерла. Потом, медленно, словно проверяя, коснулась носка моей ступни. Холод прошёл по коже. Не ледяной — глубокий. Как вода на большой глубине.

За спиной кто-то вскрикнул. Тень дёрнулась и исчезла обратно под дверь. Мир вернулся слишком резко. Шум труб ударил в уши. Пол снова стал обычным. Воздух разрежился.

Аня сидела на кровати, сжимая одеяло.

— Ты опять встала, — прошептала она.

Я кивнула.

« — Оно теперь заходит», — сказала она.

Это было правдой. Граница сдвинулась.

Утром одного мальчика увезли в больницу. Он не просыпался до самого завтрака. Просто лежал с открытыми глазами и не реагировал. Врач сказал: «переутомление».

Отец Алексей приехал раньше, чем обычно. Он разговаривал с директором долго и напряжённо. Потом позвал меня в библиотеку. Мы сели за дальний стол. Он слегка наклонился ко мне и сказал:

— Расскажи мне, что произошло этой ночью.

Я стала описывать всё, что видела. Он слушал молча. Его руки лежали на столе слишком неподвижно. Его интересовал лишь один вопрос.

— Ульяна, ты чувствовала страх?

— Нет, — ответила я.

— Почему? Ведь дети обычно боятся того, что не могут объяснить.

И в тот момент я задумалась. Я испытывала странное чувство, которое нельзя было назвать страхом. После паузы я ответила:

— Потому что страх и боль от потери родителей куда больше, а то, что находится в темноте, просто смотрит и не злится.

Он медленно поднял взгляд. На его лице читалась усталость, а в глазах — возмущение и ещё что-то.

— А что оно делает? — спросил он.

— Оно похоже на кошку, которая изучает территорию, — ответила я.

Моя фраза будто повисла в воздухе. У отца Алексея был задумчивый взгляд. Он отвёл глаза в сторону, а затем снова посмотрел на меня.

— Ульяна, — сказал он тихо, — если оно заходит дальше, чем раньше, значит, что-то изменилось.

— Что изменилось? — спросила я.

Он не ответил. Вместо этого достал из сумки маленький деревянный крест и положил на стол.

— Держи его при себе. Однажды он поможет тебе.

Я протянула руку и взяла крест, не сказав ни слова. Дерево было тёплым, слегка шероховатым, будто крест хранил свою многолетнюю или многовековую историю.

В ту ночь тишина пришла без предупреждения. Я лежала на своей кровати и держала крест двумя руками. Я думала о словах отца Алексея, прокручивала их в голове по несколько раз.

Когда пространство стало плотным, я почувствовала, как дерево в руке начинает нагреваться. Не сильно. Но ощутимо. Тепло шло изнутри, не от рук, а будто сам крест источал это тепло.

Возле двери снова появилась тень, более отчётливая. Она больше походила на искажённый силуэт человека. Но на этот раз она не остановилась возле двери. Она медленно вытянулась дальше. До середины комнаты — и остановилась возле моей кровати.

В тот момент я испытала скованность. Мурашки побежали по телу, и я замерла. Крест становился горячим, не обжигающим. Он будто пытался предупредить меня.

Тень зависла на некоторое время. Я ощущала на себе тяжёлый взгляд. А потом тень медленно начала подниматься вверх, как если бы там была невидимая поверхность. Она остановилась на уровне моего лица.

Я не закрыла глаза. Я смотрела в ответ. Я отчётливо увидела тёмное мрачное лицо с пустыми глазницами. Оно просто висело надо мной. В горле будто был ком, словно сонный паралич, но с открытыми глазами.

Глава 5

То, что отвечает

Я слышала дыхание детей. Но никто не кричал. Все знали правило: не двигаться, не смотреть.

Но я смотрела, а оно смотрело в ответ — прямо в мои глаза. Крест в ладони нагрелся сильнее, будто я держала горячую чашку кофе. Я сжимала крест сильнее. Дерево впивалось в кожу, как будто напоминало, что я всё ещё здесь, в комнате, среди живых.

Тень дрогнула. И я поняла, что она реагирует не на страх, а на внимание. Она будто изучала меня и пристально смотрела.

Она слегка вытянулась вперёд. Не касаясь меня. Но сокращая расстояние.

В моей голове возникла странная ясность. Как если бы мысли стали чище и точнее. Это не было похоже на нападение. Это был немой диалог, битва взглядов.

Я медленно выдохнула. И впервые заговорила. Я не пыталась закричать, я решила поговорить с этой сущностью.

— Чего ты хочешь? — спросила я.

Слова прозвучали тихо. Но в этой тишине они были громче удара. Тень замерла. Где-то в комнате кто-то всхлипнул и зажал рот руками.

Ничего не произошло. Ни голоса. Ни движения. Я почувствовала лёгкое давление в груди. Не боль, скорее импульс. Ответ на мой вопрос последовал слегка искажённым голосом, будто пожилой мужчина потерял голос.

Пониманием. Не словами. Ты.

Я не знала, как объяснить это иначе. Это было не услышано, а принято внутрь. Крест стал горячим почти до боли. Тень качнулась назад. Я сжала зубы, но не отвела взгляда.

— Почему я? — прошептала я.

Снова давление. Снова ясность.

Потому что ты смотришь.

В этот момент я поняла разницу между остальными и собой. Они прятались. Я — нет.

Тень приблизилась ещё на сантиметр. И в этот момент дверь спальни резко распахнулась. Свет из коридора разрезал комнату. Воспитательница стояла на пороге, бледная, с ключами в руке.

Тень исчезла мгновенно. Не рассеялась. Не отступила. Просто перестала быть.

— Что происходит? — резко спросила она.

Никто не ответил. Я опустила руку. Крест оставил красный след на ладони.

Воспитательница прошла по комнате, проверила окна, посмотрела на нас подозрительно.

— Хватит этих выдумок. Все спать.

Она вышла. Дверь закрылась. Но что-то было иначе. Я это чувствовала. Оно больше не стояло за дверью. Оно знало, что я готова говорить.

Утром отец Алексей приехал снова. Слишком часто для совпадений. Он нашёл меня во дворе.

— Сегодня ночью было хуже, — сказал он вместо приветствия.

— Оно ответило.

Он замер.

— Как?

— Не словами.

Я рассказала всё. Про «ты». Про то, что я смотрю. Он слушал, не перебивая. Потом сел на скамью.

« — Ульяна, есть вещи, которые существуют, потому что их замечают», — сказал он тихо. — Есть и такие, которые усиливаются от внимания.

— Тогда почему оно выбрало меня, а не других?

Он посмотрел прямо в глаза.

— Потому что ты не отводишь взгляд.

Мы молчали. Во дворе дети бегали, смеялись, будто ничего не происходило. Но их смех звучал тоньше. Слабее.

— Если я перестану смотреть? — спросила я.

Он ответил не сразу.

— Тогда оно будет искать того, кто сможет.

Вечером я долго сидела на кровати и думала. Это не случайность. Это не болезнь здания. Это не игра воображения. Это связь. И если я разорву её, кто-то другой станет следующим.

Когда свет погас, тишина пришла почти сразу. Но теперь в ней не было осторожности. Она вошла в комнату уверенно. Я не ждала, пока тень появится. Я сказала первой.

— Я здесь.

Темнота сгустилась. И на этот раз она не остановилась на границе воздуха. Она коснулась моего лица. И я почувствовала не холод, а тепло. Слишком живое, чтобы быть пустотой.

Глава 6

Ночь, которая стала длиннее

После той ночи приют изменился. Не так, чтобы это можно было объяснить взрослым. Днём всё выглядело так же, как и всегда. В столовой пахло кашей и старым хлебом. В коридоре скрипела та самая доска у лестницы. Во дворе дети бегали вокруг турника и спорили из-за мяча.

Но что-то всё равно стало другим.

Я заметила это утром. В столовой было шумно, но шум казался странным. Слишком громким. Как будто дети специально разговаривали громче обычного. Будто каждый из них пытался заглушить собственные мысли.

Аня сидела рядом со мной и медленно водила ложкой по тарелке.

— Ты не ешь, — сказала я.

Она вздрогнула.

— Ем.

— Нет.

Она посмотрела на кашу, словно только сейчас поняла, что тарелка всё ещё полная.

— Я ночью просыпалась, — сказала она тихо.

— Из-за чего?

Она пожала плечами.

— Не знаю.

Аня наклонилась ко мне ближе.

— Мне показалось, что кто-то стоял возле кроватей.

— В нашей комнате?

Она покачала головой.

— В коридоре.

Я ничего не ответила. Не потому, что не поверила. Потому что слишком хорошо поняла, о чём она говорит. Когда в доме появляется кто-то чужой, воздух меняется. Даже если ты его не видишь.

Стас поставил кружку на стол так резко, что она громко стукнула.

— Вы опять про ночи?

Аня нахмурилась.

— Тебе какое дело?

Он сел напротив нас и посмотрел на меня.

— Новенькая, ты вчера тоже не спала.

— Не спала.

— И что слышала?

— Тишину.

Он фыркнул.

— Отлично. Тишина — это звук?

— Иногда.

Стас собирался что-то ответить, но передумал. Он начал есть быстрее, чем обычно. Я заметила, что он тоже плохо спал. Под глазами у него были тени.

После завтрака нас отправили во двор. Весна только начиналась. Земля была мокрой, и ботинки постоянно вязли в грязи. Качели скрипели так же, как и всегда. Старый турник стоял криво, как будто устал держаться.

Я стояла возле забора и смотрела на здание приюта. Иногда старые дома выглядят так, будто у них есть память. Наш был именно таким.

— Ты опять смотришь, — сказал Стас за моей спиной.

— А ты опять подкрадываешься.

Он пожал плечами.

— Ты странная.

— Ты уже говорил.

Он немного помолчал.

— Ты ведь тоже чувствуешь, да?

Я повернулась к нему.

— Что именно?

— Что ночью... — он замялся, — как будто кто-то считает.

Это слово заставило меня насторожиться.

— Считает?

— Не знаю, как объяснить.

Он почесал затылок.

— Иногда кажется, что, если открыть глаза... там будет кто-то ещё.

Я посмотрела на окна второго этажа.

— А если не открывать?

— Тогда тоже кажется.

Он усмехнулся.

— Отлично. Значит, мы оба сошли с ума.

— Или нет.

Стас внимательно посмотрел на меня.

— Ты правда не боишься?

Я немного подумала.

— Боюсь.

— Тогда почему не кричишь, как остальные?

— Потому что тогда оно будет знать.

— Кто?

— Тот, кто слушает.

Стас больше ничего не сказал.

Отец Алексей приехал ближе к обеду. Его машина остановилась у ворот, как обычно. Он вышел, поправил пальто и направился к крыльцу. Когда он проходил мимо детей, многие здоровались с ним. Он отвечал спокойно, улыбался, но я заметила, что его взгляд задержался на окнах второго этажа. Дольше обычного.

Он увидел меня у забора и подошёл.

— Ты снова не спала.

— Немного.

— Почему?

— Было слишком тихо.

Он вздохнул.

— Иногда тишина — это просто отсутствие шума.

— А иногда?

Он посмотрел на здание.

— А иногда — это ожидание.

Я почувствовала, как внутри становится холоднее.

— Вы тоже это чувствуете?

Он не ответил сразу.

— Я чувствую, когда дети начинают плохо спать.

— Это не просто сон.

— Я знаю.

Он присел на корточки, чтобы быть на уровне моих глаз.

— Ульяна, если ночью снова станет слишком тихо... не вставай.

— Почему?

— Потому что иногда любопытство — это приглашение.

— А если уже поздно?

Он долго смотрел на меня. И впервые за всё время я увидела в его глазах тревогу.

Вечером дети снова начали шептаться. Кто-то говорил, что слышал шаги. Кто-то — что видел тень возле лестницы. Воспитательница сказала, что это глупости и старый дом просто скрипит. Но я знала разницу между скрипом и ожиданием.

Когда свет выключили, комната погрузилась в темноту. Я лежала на спине и слушала. Сначала всё было нормально. Дыхание детей, шорох одеял, редкий скрип кровати. Потом один звук исчез. Потом второй.

Комната стала слишком тихой.

Я открыла глаза. Тишина была полной. Как будто дом задержал дыхание.

А потом где-то в коридоре раздался один медленный шаг.

Я не двигалась. Шаг остановился возле нашей двери. И тогда я поняла простую вещь. Оно больше не просто наблюдает. Оно проверяет, кто из нас проснётся первым.

Глава 7

Огонь, который знал дорогу

Ночь началась как обычно. Свет в спальне выключили рано. Воспитательница устало пожелала всем спокойной ночи и закрыла дверь. Несколько минут дети ещё шептались, кто-то тихо смеялся, кто-то ворочался в кровати. Потом разговоры начали стихать.

Я лежала и смотрела в потолок. Иногда ночью приют звучал как живой организм. Трубы щёлкали, доски тихо отзывались на перемены температуры, ветер трогал старые рамы. Но этой ночью ветер молчал.

Я не сразу поняла, что именно меня разбудило. Сначала был запах. Очень слабый. Почти незаметный. Что-то горькое. Я вдохнула глубже. Запах стал сильнее. Не дым. Скорее... тёплое дерево. Как будто где-то далеко разожгли печь.

Я села на кровати. В комнате было темно. Лунный свет лежал на полу длинной полосой. Аня на соседней кровати тихо сопела. Кто-то перевернулся во сне.

Я снова вдохнула. Теперь сомнений не было. Горело.

Где-то внизу раздался звук. Сначала один. Потом второй. Стук двери. И вдруг коридор наполнился голосами.

— Подъём! Быстро вставайте!

Дверь распахнулась. В коридоре уже был свет. Оранжевый. Не электрический. Живой.

— Одевайтесь! Быстро!

Дети начали подниматься. Кто-то не понимал, что происходит. Кто-то сразу начал плакать.

— Что случилось? — прошептала Аня.

Я посмотрела на дверь. Запах дыма теперь был густым.

— Пожар.

Это слово прокатилось по комнате, как холодная вода. Кто-то закричал. Кто-то начал искать ботинки. Воспитательница бегала между кроватями.

— Все в коридор! Живо!

В коридоре уже было страшно. Дым висел серой пеленой под потолком, опускаясь всё ниже. Где-то в конце здания трещало и светилось багровым. Дети толпились у лестницы, кто-то плакал навзрыд. В этой толчее я на секунду выпустила Анину руку, и нас разлучили.

— Аня! — закричала я, но мой голос утонул в треске и кашле.

Меня вынесло потоком на улицу. Холодный воздух ударил в лицо, и я жадно глотнула его несколько раз, прежде чем оглянуться.

Ани рядом не было.

— Аня! — снова закричала я, вглядываясь в лица детей, которые выбегали из дверей.

Её нигде не было.

Я стояла и смотрела на здание. Окна на втором этаже уже полыхали. Пламя вырывалось наружу, лизало стены. И вдруг я вспомнила. Аня. Она осталась там. Наверху.

Внутри меня что-то оборвалось. И в тот же миг в голове что-то щёлкнуло. Или надломилось. Дым заволок глаза, и реальность начала расслаиваться.

Я моргнула.

И мне *показалось*, что я снова бегу внутрь. Жар обжигает лицо, но мне всё равно. Я лечу по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Дым клубится, но я знаю, куда идти. Я чувствую Аню. Захожу в спальню. Она сидит на кровати, сжавшись в комочек, и не может пошевелиться от страха. Я хватаю её за руку.

— Бежим! — кричу я. И мы бежим. Вместе. Сквозь пламя, сквозь дым. Я крепко держу её за пальцы и не отпускаю ни на секунду. Мы вылетаем на лестницу. Дышать нечем. Но мы не останавливаемся.

Вот она, дверь на улицу.

Свежий воздух.

Мы спасены.

Я выбегаю во двор, всё ещё сжимая Анину руку, и падаю на колени, задыхаясь.

— Аня... Аня тут... — шепчу я, поднимая глаза.

Рядом, совсем близко, я вижу отца Алексея. Его лицо освещено пламенем. Он смотрит на меня, и в его глазах такая боль, что у меня перехватывает дыхание.

— Ульяна, — тихо говорит он. — Ты одна.

Я не понимаю.

— Нет, — качаю головой. — Я вывела её. Я держала её за руку. Мы бежали вместе.

Отец Алексей медленно опускается рядом со мной на корточки и берёт меня за плечи.

— Посмотри, — говорит он. — Посмотри вокруг.

Я оглядываюсь. Дети. Воспитатели. Пожарные. Кто-то плачет. Кто-то кричит. Но среди всех этих лиц нет Ани. Никто не держит меня за руку. Моя ладонь пуста. Она была пуста всё это время.

« — Её нет », — говорит отец Алексей тихо, но каждое слово падает как камень. — Она не вышла. Ульяна... ты выбежала одна.

Я смотрю на свои руки. На пустые, сжатые в кулак пальцы. Я так сильно верила, что держу её. Я чувствовала тепло её ладони. Но это было только в моей голове. Моё сердце выдумало это спасение, потому что не могло вынести правды.

Я медленно перевожу взгляд на горящее здание. На втором этаже, в том окне, которое было нашим, стёкла давно выбиты, и чёрный дым валит наружу, перемешанный с искрами. Крыша начинает проваливаться.

Аня осталась там.

Это я испугалась. Это меня вынесло потоком. Я не пошла за ней. Я даже не попыталась. Я бросилась вниз, спасая себя, а потом мой разум, не выдержав вины, придумал эту ложь. Придумал подвиг, которого не было.

— Я... я испугалась, — шепчу я дрожащими губами. — Я так испугалась... огня... Я бросила её. Я не спасла.

Отец Алексей молчит. Он не говорит, что это неправда. Потому что это правда.

Я смотрю на пожар. Пламя ревёт, пожирая всё, что было моей жизнью. Мою кровать. Мою подушку. Мою подругу. Самую тихую, самую незаметную девочку с косичками, которая всегда боялась темноты и спала, закутавшись в одеяло с головой.

— Аня... — выдыхаю я.

И тут меня накрывает.

Ноги подкашиваются. Я падаю на колени прямо в холодную грязь. Из горла вырывается не крик, нет — какой-то звериный, глухой вой. Слёзы текут по лицу, смешиваясь с копотью. Я не могу дышать. Не от дыма — от того, что сжимается внутри. Я рыдаю так, как будто мир рушится. Потому что он действительно рушится.

Отец Алексей стоит рядом и не пытается меня поднять. Он только кладёт руку мне на голову, как будто пытается удержать меня в этом мире, когда всё внутри хочет провалиться сквозь землю.

Пожарные бегают вокруг. Здание оседает. Кто-то кричит, что нужно отойти дальше. Но я остаюсь на коленях. Смотрю на огонь. И плачу. Плачу по той, кого не спасла. По той, чью руку я держала только в своём перепуганном, лживом воображении.

Глава 8

НОВЫЙ ДОМ

Сначала был сон. Во сне я снова стояла во дворе приюта. Ночь была той же самой. Оранжевый свет в окнах. Чёрные ветви деревьев на фоне пламени. Дети вокруг меня плакали и кашляли, но их голоса звучали глухо, будто кто-то накрыл двор толстым стеклом.

Я смотрела на горящее здание. Огонь двигался медленно. Слишком медленно. Как будто ждал.

Потом пламя в одном из окон раздвинулось. Не погасло. Не вспыхнуло сильнее. Просто... разошлось в стороны. И в этом разломе снова появился силуэт. На этот раз он был ближе.

Я не видела лица. Только форму. Слишком высокую. Слишком неподвижную. Огонь скользил по нему, не обжигая, как вода по камню. Я поняла, что он смотрит прямо на меня.

И тогда он сделал шаг. Не из окна. Ко мне. Пламя потянулось за ним, как длинные пальцы.

Я хотела отступить. Но ноги не двигались. Силуэт остановился всего в нескольких шагах. И в этот момент я услышала звук. Не голос. Скорее дыхание. Глубокое. Медленное. Как будто огонь вдыхали.

Я резко открыла глаза.

Темнота была густой и тихой. Несколько секунд я просто лежала, пытаюсь понять, где нахожусь. Потолок был другой. Не тот, что в приюте. Ни скрипучих кроватей вокруг. Ни дыхания десятков детей. Только тихий дом. И запах дерева.

Я села. Окно было приоткрыто. С улицы тянуло холодным ночным воздухом. Где-то далеко проехала машина. Сердце всё ещё билось слишком быстро. Я вдохнула. Здесь не пахло дымом. Это было первое, что я заметила.

Я осторожно спустила ноги на пол. Доски тихо скрипнули. Живой звук. Настоящий.

Я вышла в коридор. Слабый свет падал из кухни. Кто-то не спал. Я подошла ближе и заглянула.

Отец Алексей сидел за столом. Перед ним лежала раскрытая книга, но он не читал. Просто смотрел в одну точку. На столе стояла кружка. От неё поднимался тонкий пар.

Он поднял глаза.

— Ты проснулась.

Я кивнула.

— Кошмар?

— Да.

Он немного подвинул стул.

— Иди сюда.

Я села, напротив. Несколько секунд мы молчали. Потом я сказала:

— Он снова был там.

Отец Алексей не переспросил. Он понял.

— В огне?

— Да.

Он медленно выдохнул.

— И что он делал?

— Смотрел.

Я опустила взгляд на стол.

— А потом пошёл ко мне.

Он долго молчал. Тишина в кухне была спокойной. Не такой, как в приюте. Но я всё равно чувствовала напряжение.

— Это был сон? — спросила я.

— Скорее память.

— Но он двигался.

— Память иногда тоже движется.

Я подняла голову.

— Вы его знаете?

Он не ответил сразу. Взгляд его скользнул к окну, за которым ещё лежала ночная темнота.

— Я знаю о таких вещах.

— Это был человек?

— Нет.

— Тогда кто?

Он слегка потёр переносицу, будто выбирал слова.

— Иногда в мире появляются существа, которые... живут иначе, чем мы.

— Как животные?

— Нет.

— Тогда как?

Он посмотрел на меня внимательно.

— Как огонь.

Я задумалась.

— Но огонь не смотрит.

— Обычно нет.

Я немного помолчала. Потом спросила:

— Почему он смотрел на меня?

Отец Алексей снова долго молчал. Взрослые всегда делают так, когда ответ им не нравится.

— Иногда некоторые люди... становятся заметными.

— Для кого?

Он перевёл взгляд на меня.

— Для тех, кто привык смотреть из темноты.

Мне это не понравилось.

— Значит, он будет приходить?

— Я постараюсь сделать так, чтобы нет.

— Как?

Он тихо усмехнулся.

— Это длинная история.

— Расскажите?

Он сделал глоток чая.

— Когда-нибудь.

— Нет. Сейчас.

Он смотрел на меня так, будто пытался решить что-то важное. Потом медленно закрыл книгу на столе.

— Хорошо.

Он немного подался вперёд.

— Но сначала я расскажу тебе одну простую вещь.

— Какую?

Он кивнул в сторону окна. Небо начинало светлеть.

— В мире есть люди, которые всю жизнь делают вид, что ничего странного не происходит.

Я слушала.

— А есть люди, которым не удаётся этого не замечать.

— Это плохо?

— Это... трудно.

Я вспомнила силуэт в огне.

— Я из вторых?

Он посмотрел мне прямо в глаза. И на этот раз не стал уходить от ответа.

— Да.

Я опустила взгляд. Несколько секунд мы сидели молча. Потом я спросила:

— А вы?

Он слегка улыбнулся.

— К сожалению.

Я посмотрела на его руки.

— Вы поэтому меня забрали?

Он кивнул.

— Отчасти.

— А ещё почему?

Он медленно сказал:

— Потому что иногда, если ребёнок увидел слишком много... его нельзя оставлять одного.

Я снова подумала о пламени. О силуэте. О взгляде.

— Он найдёт меня?

Отец Алексей не ответил сразу. Потом тихо сказал:

— Я сделаю всё, чтобы он не смог.

Глава 9

То, что учатся замечать

Утро в доме отца Алексея наступало тихо. Не той тишиной, которая давила на стены, как в приюте. Здесь она была другой. Спокойной. В ней слышались обычные вещи: далёкая машина на дороге, ветер в ветках, скрип старых половиц.

Я проснулась рано. Сон больше не возвращался. Дом ещё спал. Из кухни тянуло запахом хлеба и чая.

Я осторожно вышла из комнаты и прошла по коридору. Дом был маленький. Деревянный. С низким потолком и узкими окнами. Всё здесь выглядело старым, но ухоженным. На стенах висели иконы, а на полках стояли книги. Очень много книг. Некоторые были тонкими, с потёртыми корешками. Другие — толстыми, как словари.

Я провела пальцем по одной из них. На обложке было написано слово, которое я не сразу смогла прочитать.

— Лучше не начинать с неё.

Я обернулась. Отец Алексей стоял в дверях кухни и держал в руках кружку.

— Почему?

— Потому что она написана человеком, который слишком любил пугать людей.

Я посмотрела на книгу.

— А это неправда?

Он пожал плечами.

— Наполовину.

Он поставил на стол вторую кружку и жестом пригласил меня сесть.

— Чай?

Я кивнула.

Мы сидели молча несколько минут. Потом я спросила:

— Вы говорили, что есть люди, которые замечают больше других.

— Да.

— Что именно?

Он немного подумал.

— Сначала — мелочи.

— Какие?

Он кивнул на окно.

— Например, ты когда-нибудь замечала, что иногда комната становится чуть меньше?

Я вспомнила приют.

— Да.

— Большинство людей скажет, что это усталость.

— А это не она?

— Иногда нет.

Он сделал глоток чая.

— Есть несколько простых признаков, на которые обращают внимание те, кто работает... в моей области.

— Вы экзорцист?

Он слегка усмехнулся.

— Люди любят это слово. Оно звучит красиво.

— А как правильно?

— Священник, который слишком много читает.
Я посмотрела на книги.
— И что вы читаете?
— Истории.
— Про демонов?
Он задумался.
— Скорее про людей, которые с ними встречались.
Я молчала. Потом спросила:
— Они всегда приходят через огонь?
— Нет.
— Через что тогда?
Он начал загибать пальцы.
— Через страх. Через одиночество. Через дома, где долго никто не молился.
Я немного подумала.
— Через детей?
Он не ответил сразу.
— Иногда.
Я почувствовала, как внутри стало холоднее. Он заметил это.
— Не обязательно.
— Но иногда.
— Иногда.
Мы снова замолчали.
Через несколько минут он сказал:
— Хочешь попробовать одно упражнение?
— Какое?
— Очень простое.
Он встал и выключил свет на кухне. Комната стала темнее, но через окно всё ещё проникал утренний свет.
— Закрой глаза, — сказал он.
Я закрыла.
— Теперь слушай.
Я слушала. Сначала ничего особенного. Потом я начала различать звуки. Часы на стене. Ветер за окном. Скрип половиц.
— Сколько звуков ты слышишь? — спросил он.
— Четыре.
— Хорошо. А теперь?
Я прислушалась внимательнее.
— Пять.
— Что добавилось?
— Шаги.
Он тихо засмеялся.
— Это мои.
Я открыла глаза.
— Вы специально?
— Конечно.
Он снова включил свет.
— Первый навык — замечать.
— Замечать, что?
— Всё.

Я нахмурилась.

— Это сложно.

— Да.

— А второй?

Он посмотрел на меня внимательно.

— Не бояться того, что заметила.

Я подумала о силуэте в огне.

— Это сложнее.

Он кивнул.

— Намного.

Я посмотрела на полку с книгами.

— А третий?

Он подошёл к полке и достал маленький блокнот.

— Третий — помнить.

Он положил его передо мной.

— Всё, что кажется странным, нужно записывать.

— Даже если это глупость?

— Особенно если это глупость.

Я открыла блокнот. Страницы были пустыми.

— Что мне написать?

Он немного подумал.

— Например... когда ты впервые поняла, что в приюте стало слишком тихо.

Я взяла карандаш. Но прежде чем начать писать, спросила:

— А если оно тоже помнит?

Он замер.

— Что именно?

— Что я его видела.

Отец Алексей долго смотрел на меня. Потом сказал тихо:

— Тогда нам нужно помнить быстрее.

Днём он показал мне ещё одну вещь. Мы вышли во двор. Воздух был холодным и чистым.

« — Смотри на дом», — сказал он.

Я посмотрела.

— Что ты видишь?

— Дом.

— А ещё?

— Окна.

— Ещё.

Я прищурилась.

— Тень от дерева.

Он кивнул.

— Большинство людей видит только дом.

— А нужно больше?

— Всегда.

Он немного помолчал.

— Иногда то, что приходит из другого мира, сначала выглядит как обычная тень.

Я посмотрела на землю. Тень ветки медленно качалась на стене.

— И как понять разницу?

Он ответил спокойно:

— Настоящая тень движется вместе со светом.

— А другая?

— Иногда смотрит на тебя.

Я резко подняла голову.

— Вы серьёзно?

— К сожалению.

Мы вернулись в дом ближе к вечеру. Я устала. Но внутри было странное чувство. Как будто мир стал больше. И сложнее.

Перед сном я открыла блокнот. На первой странице я написала:

«Сегодня я начала учиться замечать.»

Потом немного подумала и добавила ещё одну строчку.

«Иногда мне кажется, что что-то тоже учится замечать меня.»

Глава 10

Голос, который не должен звучать

В тот день отец Алексей уехал рано. Он сказал, что вернётся к вечеру, и оставил мне простое задание.

— Смотри и записывай, — сказал он, надевая пальто.

— Что именно?

— Всё, что покажется странным.

— А если ничего не покажется?

Он улыбнулся.

— Это тоже можно записать.

Когда дверь закрылась, дом стал тихим. Не пустым. Просто тихим.

Я сидела за кухонным столом и смотрела в блокнот. Несколько страниц уже были исписаны короткими заметками.

Тень двигалась сама.

Комната стала глубже.

Иногда кажется, что дом слушает.

Я перечитала последнюю строчку и нахмурилась. Она мне не нравилась. Потому что в ней было слишком мало объяснений.

Я взяла карандаш и начала рисовать. Сначала просто линии. Потом дом. Потом окно. Я не заметила, как рука сама начала рисовать огонь. Пламя получилось высоким. Неровным. Линии уходили вверх и расходились в стороны.

Я остановилась. Почему я снова рисую пожар?

Я хотела перевернуть страницу. И в этот момент услышала звук. Очень тихий. Сначала я подумала, что это ветер. Но окна были закрыты.

Я прислушалась. Звук повторился. Шёпот. Настолько слабый, что сначала казалось, будто он идёт изнутри головы.

Я медленно подняла голову.

— Отец Алексей?

Тишина.

Я встала. Дом выглядел обычным. Коридор. Двери. Лестница. Но ощущение было другим. Как будто в доме стало на одного человека больше.

Я сделала несколько шагов. Шёпот снова прозвучал. Теперь чуть яснее. Но слова всё равно было невозможно разобрать. Он был слишком тихим. И слишком близким.

Я обернулась. Никого.

Сердце начало биться быстрее.

« — Это просто дом», — сказала я вслух.

Старые дома иногда скрипят. Иногда шумят. Иногда звучат странно. Но дома не шепчут.

Я стояла посреди кухни и пыталась не двигаться. Иногда, если не двигаться, странные вещи прекращаются. Но на этот раз было наоборот. Шёпот стал чуть громче.

Он шёл из коридора. Я смотрела на тёмный проём.

— Кто там?

Ответа не было. Но шёпот продолжался. Я не понимала ни слова. Звук был похож на дыхание, которое пытается превратиться в речь.

Я сделала шаг к коридору. И в тот же момент шёпот прекратился. Сразу. Как будто кто-то закрыл дверь.

Я стояла и слушала. Ничего. Только обычные звуки дома.
Я медленно вернулась к столу. Руки дрожали. Я открыла блокнот. Написала:
Сегодня я слышала шёпот.
Я подумала немного и добавила ещё одну строчку:
Он не говорил слов. Он просто пытался говорить.
Я закрыла блокнот. И в этот момент снова услышала звук. Но теперь другой. Тихий стук.
Сначала один. Потом второй.
Я посмотрела на окно. На стекле медленно скользнула тень ветки. Ветер.
Я выдохнула. И вдруг заметила странную вещь. Тень ветки двигалась. Но ветка за окном была неподвижной.
Я смотрела на стекло. Тень медленно вытянулась. Потом согнулась. И на секунду стала похожа на руку.
Я моргнула. Тень снова стала обычной.
Я резко закрыла занавеску. Комната погрузилась в мягкий полумрак. Сердце всё ещё билось слишком быстро.
— Записывать, — прошептала я себе.
Я снова открыла блокнот. Но не успела ничего написать. Потому что в коридоре тихо открылась дверь.
Я замерла. Шаги. Медленные.
Я повернулась. На пороге стоял отец Алексей.
— Ты слышала.
Это был не вопрос. Я кивнула.
— Шёпот.
Он закрыл дверь и снял пальто.
— Где?
— В коридоре.
Он несколько секунд смотрел в темноту коридора. Потом тихо сказал:
— Понятно.
Я нахмурилась.
— Вам это не кажется странным?
— Кажется.
— Тогда почему вы не удивлены?
Он сел напротив меня.
— Потому что иногда такие вещи начинают происходить раньше, чем я надеюсь.
— Это из-за пожара?
Он немного подумал.
— Скорее из-за того, что было в огне.
Я вспомнила силуэт.
— Оно?
— Возможно.
— Оно шептало?
— Возможно.
Я обняла руками колени.
— Но я не понимала слов.
— Это нормально.
— Почему?
Он посмотрел на блокнот.
— Потому что иногда сначала приходит звук.
— А потом?

— Потом смысл.

Мне это совсем не понравилось.

— Значит, он ещё вернётся.

Он молчал несколько секунд. Потом встал и подошёл к полке. Среди книг он достал маленький деревянный крест. Очень простой. Он положил его на стол передо мной.

— Пока он будет лежать здесь.

— И что это изменит?

— Наблюдение станет сложнее.

— Для кого?

Он посмотрел на окно.

— Для того, кто привык смотреть из темноты.

Я осторожно взяла крест. Дерево было тёплым.

— А если он всё равно будет шептать?

Отец Алексей немного улыбнулся.

— Тогда мы начнём учить тебя отвечать.

Глава 11

Имя, которое не любят произносить

Вечером дом стал тише, чем обычно. Не той тревожной тишиной, которую я помнила из приюта. Здесь она была осторожной. Как будто сам дом слушал, не произойдёт ли что-нибудь ещё.

Крест всё ещё лежал на кухонном столе. Я несколько раз подходила к нему и трогала пальцем. Дерево оставалось тёплым, словно его только что держали в руках.

Отец Алексей долго ходил по дому. Он открывал окна. Закрывал их. Проверял двери. Иногда останавливался посреди комнаты и просто слушал.

— Вы что-то ищете? — спросила я.

— Скорее проверяю.

— Что?

Он посмотрел на потолок.

— Как ведёт себя дом.

Мне это показалось странным.

— Дом может вести себя по-разному?

— Старые дома — да.

— А этот?

Он немного подумал.

— Пока нормально.

Он подошёл к столу и взял крест.

— Пойдём.

Мы вышли в коридор. Он остановился у входной двери и тихо коснулся дерева крестом. Потом что-то прошептал. Я не разобрала слов.

— Это молитва? — спросила я.

— Часть.

Он сделал то же самое у окна. Потом у лестницы. Потом у двери моей комнаты.

Я шла за ним и старалась не задавать слишком много вопросов. Но один всё-таки не удержала.

— Вы защищаете дом?

Он кивнул.

— Немного.

— От чего?

Он посмотрел на меня.

— От того, кто может попытаться войти.

Я вспомнила шёпот.

— Но он уже был здесь.

— Возможно.

Он немного помолчал.

— Но иногда между «быть рядом» и «войти» есть разница.

Когда мы вернулись на кухню, небо за окном уже потемнело. Я сидела за столом и рисовала в блокноте. Сначала дом. Потом окно. Потом сама не заметила, как снова нарисовала огонь.

— Он всегда выглядит одинаково? — спросил отец Алексей.

Я вздрогнула.

— Что?

Он кивнул на рисунок.

— Огонь.

Я посмотрела на страницу. Пламя действительно выглядело почти так же, как на прошлых рисунках.

— Наверное.

— Интересно.

— Почему?

Он не ответил. Вместо этого взял карандаш и аккуратно провёл линию рядом с моим рисунком.

— А теперь попробуй вспомнить одну вещь.

— Какую?

— Что ты почувствовала, когда увидела его в первый раз.

Я закрыла глаза. Передо мной снова возникло окно приюта. Огонь. И силуэт.

— Холод.

— В огне?

— Да.

Он тихо выдохнул.

— Это важно.

Я открыла глаза.

— Почему?

Он смотрел на рисунок.

— Потому что настоящий огонь даёт тепло.

Я не сразу поняла.

— А тот?

Он слегка покачал головой.

— Иногда вещи только выглядят как огонь.

Мы долго сидели молча. Дом снова звучал обычными ночными звуками. Скрип половиц. Часы. Ветер. Я почти успокоилась.

И в этот момент услышала его снова.

Шёпот. Он был слабым. Но на этот раз я сразу поняла, что это не ветер.

Я подняла голову.

— Он здесь.

Отец Алексей сразу замер.

— Где?

— Не знаю.

Шёпот звучал странно. Он был ближе, чем раньше. И медленно становился яснее. Я не понимала слов. Но теперь звук был... похож на речь. Я почувствовала, как внутри появляется холод.

— Ты слышишь слова? — тихо спросил он.

Я прислушалась. Шёпот будто пытался сложиться во что-то понятное. Несколько звуков.

Пауза. Снова звук. И вдруг одно слово стало чётче остальных. Я не знала, почему, но оно звучало тяжелее. Словно его произносили осторожно.

— ...лиал...

Я резко вдохнула.

— Что?

— Повтори.

— Я не уверена.

Я снова прислушалась. Шёпот затихал. Но один звук всё ещё оставался.

— ...лиал...

Я посмотрела на него.

— Вы знаете это слово?

Отец Алексей не ответил сразу. Он медленно опустился на стул. Его лицо стало серьёзным. Очень серьёзным.

— Скажи ещё раз, что ты слышала.

— Лиал.

Он закрыл глаза на секунду. Потом тихо сказал:

— Похоже на окончание имени.

— Чьего?

Он смотрел на стол. На крест. На мой рисунок огня. И наконец сказал почти шёпотом:

— Если я прав...

Он сделал паузу. Будто сам не хотел продолжать.

— ...то это Белиал.

Я никогда раньше не слышала этого слова.

— Это демон?

Он медленно кивнул.

— Один из самых старых.

— Он живёт в огне?

— Он живёт там, где люди думают, что могут обойтись без света.

Мне стало холодно.

— И он смотрел на меня.

— Да.

Я вспомнила окно приюта. Силуэт. Взгляд.

— Почему?

Отец Алексей долго молчал. Потом сказал тихо:

— Вот это нам и предстоит узнать.

В ту ночь я долго не могла уснуть. Шёпот больше не возвращался. Но перед тем как закрыть глаза, я вдруг подумала о странной вещи.

Если у него есть имя... значит, он тоже знает моё.

Глава 12

Ночь, которая смотрит в ответ

После того как отец Алексей произнёс это имя, дом словно стал тише. Не сразу. Сначала ничего не изменилось. Часы продолжали тихо отсчитывать секунды. Ветер трогал ветви за окном. Половицы иногда отзывались на холод. Но внутри дома появилось другое ощущение. Как будто стены тоже услышали это слово.

Белиал.

Я повторила его про себя. Оно звучало тяжело. Медленно. Словно камень, который катится по ступеням.

« — Не стоит произносить его часто», — сказал отец Алексей.

Я подняла голову.

— Почему?

— Некоторые имена лучше держать подальше от языка.

— Он может услышать?

Он посмотрел на меня внимательно.

— Возможно.

Я замолчала. Мы сидели на кухне. Свет лампы был мягким, жёлтым. Тени лежали спокойно. Но теперь каждая из них казалась чуть глубже.

— Вы его видели раньше? — спросила я.

Отец Алексей долго не отвечал. Потом сказал:

— Нет.

— Тогда откуда вы знаете?

Он медленно провёл рукой по столу.

— Есть вещи, о которых люди узнают не потому, что видели их сами.

— А как?

— Потому что слишком много других людей исчезли после встречи с ними.

Мне стало холодно.

— Он убивает?

— Не всегда.

— Тогда что?

Он посмотрел на окно.

— Иногда хуже.

Я не поняла. Он немного помолчал.

— Иногда такие существа просто... ломают человека.

— Как?

— Медленно.

Он постучал пальцем по столу.

— Страхом. Одиночеством. Сомнениями. Они делают так, что человек сам начинает разрушать свою жизнь.

Я вспомнила приют. Ту ночь. Тот взгляд.

— Он хотел, чтобы я сгорела?

Отец Алексей покачал головой.

— Нет.

— Тогда почему огонь не тронул меня?

Он долго смотрел на меня. Потом тихо сказал:

— Потому что ты была ему нужна.

Эти слова повисли в воздухе. Я почувствовала, как внутри что-то сжалось.

— Зачем?

Он не ответил.

— Вы знаете?

— У меня есть догадки.

— Какие?

Он вздохнул.

— Иногда такие существа не уничтожают сразу. Они наблюдают. Проверяют. Смотрят, кто способен видеть их.

Я вспомнила тень на кухне. Шёпот. Огонь.

— Значит, он смотрит на меня.

— Да.

Мы долго молчали. Потом отец Алексей встал.

— Пора спать.

— Я не хочу.

— Я понимаю.

Он положил руку мне на плечо.

— Но страх становится сильнее, если не давать себе отдых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.